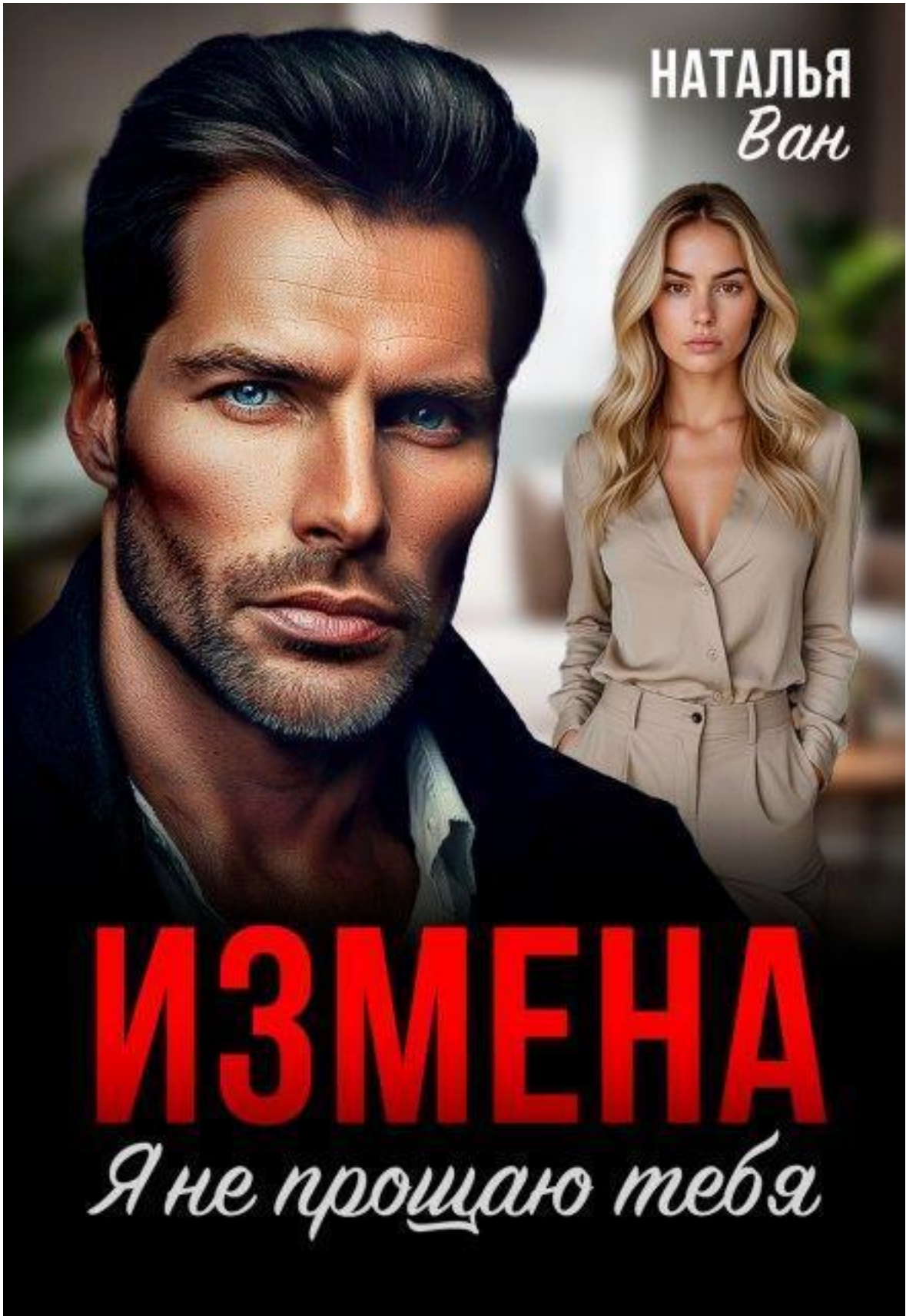

НАТАЛЬЯ
Ван

ИЗМЕНА

Я не прощаю тебя

Наталья Ван

Измена. Я не прощаю тебя

«Литнет»

2025

Ван Н.

Измена. Я не прощаю тебя / Н. Ван — «Литнет», 2025

— Ты же не женишься на ней по-настоящему? — голос родной сестры, сладкий, как сироп. — Конечно нет, — мой жених наклоняется, целует её шею, а из моих рук вываливается телефон разбивая жизнь на до и после. Пять лет отношений, которые прошли через огонь, воду и медные трубы и за три дня до свадьбы я получаю видео с моим женихом в главной роли. Короткое. Всего двадцать три секунды, но они перечеркнули все, и я этого так не оставлю. В тексте есть: #Сильная героиня #Предатель, без капли совести #Стерва-сестра #ХЭ для героини

© Ван Н., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Визуал	7
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Визуал. Часть 2	19
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	36
Глава 14	38
Глава 15	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1

Лиля

Я всё знаю.

Три дня. Семьдесят два часа. Четыре тысячи триста двадцать минут.

Именно столько времени прошло с тех пор, как мой мир раскололся на “до” и “после”.

Я стою перед зеркалом в уютной гримерке, затянутая в свадебное платье за безумные деньги. Воздушное французское кружево, ручная вышивка, жемчужные блёстки, вплетённые в фату. Все, как он и хотел. Как хотели все вокруг, кроме меня. Всё идеально. Совершенно. Безупречно.

Как наша с Марком сказка.

Только вот сказки не существуют. Она покрылась темными пятнами, и ее опутали паутины лжи и лицемерия.

Из зеркала на меня смотрит красивая кукла с мёртвыми глазами. Алые губы, тушь с эффектом “мокрого шёлка”, невесомые локоны, уложенные с математической точностью. Всё как в журнале. Всё, как он любит.

Он.

Я сжимаю телефон так, что костяшки пальцев хрустят от перенапряжения. На экране тот самый ролик. Всего двадцать три секунды. Но мне их хватило, чтобы уничтожить всё хорошее, что я так лелеяла в своей груди.

Отель “Империял”. Тот самый, который я лично бронировала для первой брачной ночи. Все дорого и роскошно, как он просил. Как ему нравится. Я обошла десятки отелей, осмотрела сотни номеров, прежде, чем сделать свой выбор, но как оказалось он всегда любил этот отель. Правда, я об этом не знала.

Камера дрожит. Видимо, запись с телефона, подкинутого на полку. Президентский люкс. Шампанское. Розы. И... они.

Мой Марк. С тем самым смехом, к которому я так привыкла. Который, я считала, предназначен только для меня. Низкий, чуть хриловатый, тот, от которого у меня мурашки бежали по спине.

Он сидит на краю кровати King Size, расстегивает рубашку, демонстрируя идеальный пресс с высеченными словно из камня мышцами.

— Ты же не женишься на ней по-настоящему? — голос моей родной сестры, сладкий, как сироп.

— Конечно нет, — он наклоняется, целует её шею. Притягивает ближе к себе. Она устремляется на его колени, оголяя идеальные ягодицы. На ней красные чулки. Как же вульгарно и отвратительно одновременно, что ком застревает в горле. — Она просто бизнес. Я люблю только тебя, — безжалостно рубит он и я вижу, что их встреча далеко не первая. Ее уверенные движения. Его пылающий взгляд. Никакого смущения или стеснения.

А я просто бизнес.

Смотрю на своё отражение. Губы дрожат, но слёз нет. Я выплакала их все за эти три дня. Сначала в подушку, потом в бокал вина, а вчера в ванной, под ледяным душем, чтобы красные глаза можно было списать на аллергию.

Теперь во мне только холод.

Я медленно провожу пальцем по экрану и перематываю в самое начало записи. Снова. И снова.

Просто бизнес.

Наши прогулки под дождём. Наши ночи наедине, когда он целовал каждую мою родинку. Наше “да” под звон бокалов в кругу самых близких. Его счастье в глазах. Это все...

Бизнес.

Дверь распахивается. Едва не роняю телефон из рук, но вовремя успеваю подхватить его и заблокировать экран.

Лиза врывается в мою комнату, как торнадо, уничтожающее все на своем пути. Моя родная сестра. Сестра, которую я никогда бы не хотела иметь, если бы знала заранее, на что она способна.

— Ты готова? — она сияет, поправляя своё розовое платье подружки невесты. Она выглядит потрясающе, словно это она сегодня невеста. — Там уже все собрались! Наш папа волнуется как подросток, мама Марка фотографирует каждый уголок, а Артём...

— Что Артём? — мой голос звучит ровно, но внутри всё сжимается.

Артём. Его лучший друг. Который знал. Он точно все знал, но при этом никогда не говорил мне. Хотя наша с ним дружба длилась годами.

— Да ничего, — Лиза машет рукой, — просто нервничает, как все.

Она подходит ближе и как бы невзначай, поправляет мою фату. В зеркале наши взгляды встречаются.

— Ты... в порядке? — её голос звучит фальшиво. — Выглядишь довольно странно.

Я улыбаюсь. Широко. Искренне. Так, как улыбалась все эти месяцы, пока они смеялись у меня за спиной.

— Никогда не была так счастлива!

Ложь, но ненадолго.

Я беру со стола маленькую флешку. Ту самую, на которой должен быть “трогательный свадебный ролик”. Я создавала его ночами напролет, чтобы сделать сюрприз Марку. Удивить. Напомнить, сколько всего мы прошли, прежде чем оказаться здесь.

Только теперь на ней не история нашей любви, а история его предательства.

— Пойдём, — говорю я, протягивая Лизе руку. — Не хочу опаздывать на собственную свадьбу.

Она не знает, что сегодня будет необычная свадьба.

Это будет казнь. И я буду на ней палачом.

Визуал

Знакомимся!

Лили.

Свято верила в любовь, но как известно розовые очки разбиваются очень больно, рана своими осколками в самое сердце.

Мама Лили.

Красивая, но крайне расчетливая женщина.

Женишок - Марк.

Говорят деньги решают все, но смогут ли они помочь ему, вернуть Лилию? И вернется ли она после такого предательства?

Глава 2

Лиля

Три минуты до начала. Или до конца. Здесь смотря как посмотреть.

Перед выходом успеваю отдать флешку Артему. Взглянуть в глаза сестре. Еще раз обдумать все происходящее.

Это занимает всего несколько секунд, но для меня они как целая вечность.

Придерживаю подол платья и выхожу.

Я считаю каждый свой шаг. Все выверено до мелочей. Я прошла этот путь на репетиции более сотни раз, чтобы все было безупречно. Иначе не могло быть. Репутация. Вот о чем они все думали, когда организовывали это все. Вот только их репутация давно в грязи.

Пятнадцать шагов от двери до начала аллеи, усыпанной лепестками роз. Тридцать семь до самого алтаря, где ждет Марк с той самой улыбкой, от которой раньше у меня подкашивались колени.

Сейчас они подкашиваются по другой причине.

Зал забит до отказа. Триста человек. Возможно, больше. Я вижу их лица. Улыбающиеся, любопытные, некоторые уже подвыпившие. Родители Марка в первом ряду. Его мать в жемчугах и строгом костюме, отец с гордо поднятым подбородком. Мои родители рядом. Мама с влажными глазами, отец, сжимающий камеру так, будто это оружие.

Он напряжен. Ему сложно находиться здесь, и это отлично видно. На его лице залегла глубокая морщина. Ему не нравится происходящее. Я уверена в этом, но он терпит. Ради меня. Ради моего счастья, к которому я так долго шла.

Деловые партнеры. Друзья. Подруги.

Те самые подруги, которые знали.

Я иду медленно, будто в замедленной съемке. Каждый шаг — гвоздь в крышку гроба нашей любви. Музыка гремит, но я слышу только стук собственного сердца. Оно бьется так громко, что кажется, вот-вот разорвет грудную клетку.

Тук. Тук. Тук.

Четко, без единой запинки. Без волнения. Без трепета.

Марк смотрит на меня.

Как же он красив.

Черный смокинг, идеально сидящий на его широких плечах. Глаза — темные, глубокие, как всегда, когда он смотрел на меня так, будто я единственное, что имеет значение в этом мире.

Теперь я знаю правду.

Я подхожу ближе. Он протягивает руку, чтобы помочь мне подняться на подиум, сделанный специально для этого торжества.

Я не беру.

Вместо этого поворачиваюсь к залу.

— Спасибо всем, что пришли разделить с нами этот счастливый день, — мой голос звучит четко, без дрожи. — Но перед тем, как начать, мы приготовили для вас кое-что особенное.

Я ловлю взгляд Артёма. Он стоит рядом с проектором, как и договаривались. Только он думает, что сейчас включит трогательный ролик о нашей любви.

Он понятия не имеет, что я подменила видео на флешке.

— Это история, — продолжаю я, — о том, как мы встретились. Как полюбили друг друга. И как...

Я замолкаю.

Как он меня предал, — договариваю про себя.

— Мы хотели, чтобы вы увидели всё своими глазами. Чтобы поверили в эту сказку так, как поверили в нее мы.

Марк хмурится. Как всегда, когда он о чем-то не знает. Это единственное, что всегда выводило его из себя. Потеря контроля над ситуацией. Поэтому он против сюрпризов. Поэтому он ненавидит незапланированные мероприятия, но ему придется потерпеть.

Я готовила это от чистого сердца, пока не получила другой “сюрприз”.

— Лиля? — его голос тихий, но я слышу в нем нотку раздражения.

Я улыбаюсь.

— Не переживай. Тебе понравится. Три... — гости подхватывают отсчет.

— Два!

— Один! — выкрикивают они хором.

Свет гаснет. На секунду в зале воцаряется тишина. Потом экран вспыхивает, и зал заполняют стоны. Ее стоны.

Тот самый номер. Тот самый смех. Те самые слова.

“Ты же не женишься на ней по-настоящему?”

“Конечно нет. Она просто бизнес. Я люблю только тебя”.

Камера дергается, но лица видны идеально. Марк. Она. Их тела, переплетенные в постели в порыве страсти.

Зал взрывается.

Кто-то вскрикивает. Кто-то матерится. Чей-то бокал падает на пол и разбивается вдребезги, как моя собственная жизнь. Все так же, как в тот день, когда я получила эту запись.

Я не отрываю взгляда от Марка.

Его лицо. О, Боже, его лицо. Сначала шок. Потом ужас. Потом гремучая ярость.

— Выключите это! — он рывком бросается к Артёму, но уже поздно.

Видео повторяется. Снова. И снова. Я медленно снимаю фату.

— Спасибо, — говорю я так, чтобы слышали все, — что освободил меня самым простым способом.

Поворачиваюсь к выходу, но не успеваю сделать и шага.

Чья-то рука с силой хватает меня за запястье, причиняя боль.

— Ты... ТЫ...! — Марк трясет меня так сильно, что жемчуг с фаты рассыпается по полу.

Я не сопротивляюсь. Я просто смотрю ему в глаза.

— Бизнес, — шепчу я. — Помнишь?

И в этот момент кто-то оттаскивает его от меня. Зал гудит. Камеры щелкают. Кто-то кричит. А я...

Я просто иду. Прямо. С гордо поднятой головой. Мимо всех этих людей. Мимо нашей сломанной сказки.

Мои прекрасные!
 Вы можете порадовать автора нажав всего три кнопочки так, как выделено на визуале ниже. С вашей поддержкой книгу увидит больше читателей.
 Приятного чтения!

Глава 3

Лиля

Я выскакиваю в ночь.

Мои ноги несут меня сами. Быстро, почти бегом, по зеленой траве аллеи, по мраморным ступеням ресторана, где должно было состояться наше счастье. Ветер подхватывает подол платья, фата вырывается у меня из рук и падает в лужу. В грязную лужу, точно такую же, как и вся наша любовь за эти годы.

Я сделала это. Отомстила ему. Показала всем его истинное лицо. Я должна чувствовать триумф. Облегчение. Но внутри только дрожь.

Я думала, уже переболела. Думала, что три дня для меня достаточно, чтобы выплакать все слезы, выжечь из себя эту боль. Но стоило снова увидеть это видео на большом экране, и все внутри оборвалось.

За спиной гул голосов, крики, звон разбитого стекла. Я не оборачиваюсь.

Еще несколько шагов, и я скроюсь в темноте, оставив этот кошмар позади.

Но судьба, а возможно, проклятие, решает иначе.

Чья-то сильная рука хватается меня за плечо и резко разворачивает, не позволяя сбежать.

— Ты..., — Марк стоит передо мной, его лицо искажено яростью. Глаза горят, как у загнанного зверя. — Как ты посмела?! Ты унизила меня! Растоптала все, что я строил годами! Я не разрешал тебе так поступать!

Не разрешал.

Эти слова больно вбиваются в мое сознание. И я верила этому человеку. Доверяла ему. Считала тем, кто готов ради меня на все.

Он тащит меня обратно к зданию. Я пытаюсь вырваться, но его пальцы вбиваются в мое запястье так, что на утро точно останутся синяки.

— Отпусти! — кричу я, но он не слушает.

Дверь в подсобку распахивается с грохотом. Марк заталкивает меня внутрь, захлопывает ее за собой.

Темно. Тесно. Пахнет моющими средствами и пылью.

— Ты разрушила ВСЁ! — его крик оглушает. — Мою репутацию! Мою карьеру! Ты думала хоть секунду, что теперь будет с тобой?! Думала, что я не оставлю от тебя мокрого места, если ты пойдешь на поводу своих чертовых эмоций?!

Я прижимаюсь спиной к стене, пытаюсь отодвинуться от него как можно дальше. Но он наступает, приближаясь так близко, что я чувствую его дыхание. Горячее, прерывистое.

— Я думала, — мой голос звучит тихо, но я держу его ровно. — Три дня думала. О том, как ты смеялся надо мной. О том, что все вокруг знали о твоих похождениях. О том, насколько тебе “тяжело” встречаться со мной. Готовиться к свадьбе, когда моя родная сестра согревает твою постель в мое отсутствие.

— Это ничего не значит! — он бьет кулаком по стене рядом с моей головой. — Одна ошибка!

— Одна ошибка? — я вдруг понимаю, что улыбаюсь. Это странная, страшная улыбка. — Ты называешь это ошибкой? На видео четко видно, что это не первый раз. Не первая ваша встреча в этом чертовом отеле.

Дрожащими руками достаю телефон и снова включаю видео.

— Смотри. Слушай.

“Ты же не женишься на ней по-настоящему?”

“Конечно нет. Она просто бизнес. Я люблю только тебя”.

Марк резко выхватывает телефон и швыряет его в стену.

— ХВАТИТ!

Осколки стекла разлетаются по полу.

Придется менять дисплей, — проносится в голове против моей воли.

В тишине, которая воцарилась после его крика, я слышу только наше дыхание. Его, тяжелое, с хрипом, мое — частое, поверхностное.

— Ты уничтожила нас, — говорит он уже тише, но в его голосе сталь.

— Это ты уничтожил нас, — поправляю я. — Я просто показала всем правду.

Он замирает. На одно мгновение. Секунда, которая кажется вечностью. И вдруг смеется. Это страшный, безрадостный звук.

— Ты не понимаешь, во что ввязалась, Лиля, — он наклоняется ко мне так близко, что наши лбы почти соприкасаются. — Я не позволю тебе уйти просто так.

Я смотрю ему прямо в глаза. Без страха. Без боли. Без отчаяния.

— Ты уже не можешь меня остановить.

В этот момент где-то снаружи раздаются голоса. Кто-то зовет Марка. Он отступает, проводит рукой по лицу.

— Это не конец, — говорит он на прощание. — Ты пожалеешь о том, что сотворила.

Дверь захлопывается. Я остаюсь одна. И только когда его шаги за дверью затихают, я позволяю себе рассыпаться на тысячу осколков. Руки трясутся. Перед глазами пелена.

Я медленно сползаю по стене на пол, обхватывая колени руками, и плачу.

Не из-за него. Не из-за любви, которой больше нет.

А из-за себя. Потому что я позволила себе любить человека, которого никогда не существовало.

Не забывайте оставлять комментарии. Даже самый короткий комментарий заставляет меня улыбнуться)

Глава 4

Лиля

Я сижу на холодном полу подсобки, вытирая ладонью мокрое от слез лицо. Где-то за дверью голоса постепенно стихают. Гости разъезжаются, оставив после себя обрывки сплетен и разбитые бокалы.

Мне нужно уходить.

Я поднимаюсь, поправляя смятое платье. В мутном зеркале на стене бледное лицо, размазанная тушь, алые пятна на щеках. Я выгляжу как призрак.

Так оно и есть.

Призрак той девушки, которая верила в эту сказку.

Осторожно открываю дверь и выглядываю в коридор. Пусто. Крадусь на цыпочках, прижимаясь к стене. Осталось лишь добраться до выхода и я исчезну. Навсегда. Подальше от этого лицемерия и предательства.

И тогда я слышу её голос.

— Лиля не может так поступить!

Это мама. Её голос дрожит. Она явно расстроена. Во мне что-то сжимается. Она переживает за меня.

Я бегу на этот звук, забыв обо всем. О мести, о боли, о разбитом телефоне. Мне нужно, чтобы она обняла меня. Сказала, что всё будет хорошо. Прижала к себе, как в детстве, и поверила в меня. Сказала, что я все сделала правильно.

Я распахиваю дверь в один из банкетных залов и застываю на пороге.

Мама сидит за столом. Рядом с ней отец Марка. Их руки переплетены на белоснежных скатертях. Они не просто касаются друг друга. Они держатся за руки. И это далеко не дружеская поддержка.

— Пришла! — мама вскакивает, резко одёргивая ладонь.

Я отшатываюсь назад. Ноги едва не подводят. Руки немеют.

— Что... что все это значит? — мой голос срывается до неузнаваемости.

Её лицо искажает гримаса то ли злости, то ли стыда.

— Лиля, дорогая..., — отец Марка пытается встать, но я резко отступаю.

— Ты... ты с ним...спишь? — с трудом договариваю я.

Мама не отвечает. Она смотрит на меня, и в её глазах нет ни капли раскаяния.

— Тебе обязательно было всё это делать?! — меняет она тему, игнорируя мой вопрос. — Обязательно было портить такую свадьбу? Не могла после нее поговорить с Марком наедине? Знаешь, сколько денег в нее вложено?! — она вдруг кричит. — Весь этот цирк! Этот позор! Как ты посмела?!

Меня будто прошибает током.

— Я...

— Чего ты добилась, дура?! — она делает шаг вперед, её каблуки стучат по полу. — Ты думала только о себе! А как же я? А как же наш бизнес?

Я не верю своим ушам.

— Ты... ты на его стороне?

Мама смеётся. Это страшный, дребезжащий звук, больше похожий на зловещий смех.

— На чьей ещё стороне мне быть? Ты разрушила всё!

Отец Марка молча наблюдает. В его взгляде что-то вроде удовлетворения.

— Марго, тебе не стоит так надрываться. Думаю, что твоя дочь прекрасно понимает, что именно она натворила, — его рука скользит по ее спине, а меня начинает тошнить.

— Ты знала, — я говорю очень тихо. — Ты знала, что он мне изменяет.

Мама не отрицает. Смотрит на меня, и в ее глазах я вижу, что права.

— Это не важно.

— Не важно?!

— Ты должна была закрыть глаза! — она кричит. — Все так делают! Этот мир не терпит слабых.

Я смотрю на неё. На её идеальный макияж, на дорогое платье, на руку Эдварда, который продолжает держать свою руку на ее талии.

И вдруг понимаю.

— Ты... ты договорилась с ними.

Мама замирает.

— Это был сговор. Ты... ты меня продала. Ради чего?

— Не драматизируй, Лиля, — бросает Эдвард. — Это просто бизнес.

— Бизнес, — это слово снова бьёт меня по лицу хлесткой пощечиной. — Возможно, для вас это просто бизнес. Пустое слово. Возможно, у вас принято выходить замуж не по любви, но я не такая. Я не позволю вам так со мной поступить.

Я резко разворачиваюсь и выбегаю прочь из зала.

— Лиля! — мама кричит мне вслед. — Вернись! Ты всё испортила и должна исправить!

Я не останавливаюсь. Выбегаю на улицу в ночь. В дождь, который начался неизвестно когда.

Платье промокает насквозь. Тянет к земле, но мне всё равно. Потому что я только что потеряла не только жениха, но и мать.

Я потеряла родного человека, которому верила. Которого считала примером для подражания.

Телефон оживает в моих руках. Весь дисплей в трещинах и невозможно разобрать имя звонившего, но я не останавливаюсь. Убегаю все дальше от этой лжи. От их мерзкий слов, про бизнес. Они сделали из меня выгодное вложение. Игрушку. Ту, кто не имеет права ничего чувствовать.

— Не позволю. Не опущусь. Вырвусь из их грязной игры, — говорю сама себе, утирая внезапно возникшие слезы на глазах.

Дорога размывается. Все сливается в одно целое, и мне бы прямо сейчас встретить того, кто спасет. Того, кто подставит мне плечо, но вместо этого я продолжаю бежать по сырой траве.

Одна.

Потому что все от меня отвернулись. Они отказались от меня. От моих принципов, но я не позволю им растоптать меня. Я докажу, что не все крутится вокруг денег и бизнеса.

Глава 5

Лиля

Я бегу вперед, без оглядки назад. Как можно дальше от всей этой грязи.

Ноги скользят по мокрой траве, подол платья тяжелеет с каждой секундой, превращаясь в грязную тряпку. Каблуки вязнут в земле. Я безжалостно срываю их и бросаю куда-то в темноту.

Глупо.

Как же глупо было соглашаться на эту свадьбу за городом. В этой проклятой "элитной" глуши. Теперь на несколько километров нет ни души, ни машин, только бесконечная аллея, уходящая в черноту.

Дождь льёт стеной. Он ледяной, но я почти не чувствую его из-за жара в собственном теле. Из-за злости, которая переполняет меня изнутри.

Мне бы прямо сейчас, посреди этой глуши, встретить принца, который меня спасёт. Посадит в свою машину, как в сериалах, и увезет к себе, но к сожалению это реальность и в ней нет места сказкам.

Да и это все глупость.

Принцев не бывает.

Я продолжаю идти одна.

Ноги болят, ступни режет острый гравий, но боль кажется далёкой, чужой, не моей.

Тяжелое платье тянет вниз, будто пытается приковать меня к земле.

Как же оно мне теперь ненавистно!

Я останавливаюсь, хватаюсь руками за кружевной лиф и с силой рву. Раздаётся неприличный звук, бретелька отрывается, жемчужины рассыпаются по мокрой траве, но мне не легче.

Душу рвёт на части.

Мама.

Это слово жжёт изнутри.

Как она могла?

Как она могла стоять там, держаться за руку его отца, и кричать мне, что это я всё испортила?

А отец...

Я вдруг замираю. Стою посреди этой глуши и чувствую, как собственное сердце отбивает бешеный ритм в перепонках.

Отец.

Он знал?

Он знал, что его жена... что они...

Голова начинает кружиться.

Я приседаю на корточки, нервно обхватывая голову руками.

Куда мне идти?

До города не меньше тридцати километров. Такси не вызвать. Марк безжалостно разбил мой телефон.

Оставаться здесь - значит рисковать встретить их. Если Марк обнаружит, что я исчезла. Он отправится меня искать? А его отец? Он правда так спокойноотреагирует на мою выходку?

Сомневаюсь.

Я думаю, что это затишье перед бурей.

Преодолеваю себя и поднимаюсь. Меня немного ведет в сторону, но я держусь.

Вернуться?

Никогда. Ни за что не вернусь туда, где все эти лживые люди.

— Я не сдамся, — шепчу, но мой голос утопает в шуме дождя. Делаю шаг и снова бреду вперёд, не разбирая дороги.

Дождь не утихает, но впереди я вижу свет.

Слабый, жёлтый, мерцающий сквозь завесу дождя.

Я практически бегу к нему. Ноги путаются. Я постоянно спотыкаюсь, но не останавливаюсь. Не сейчас. Я не могу позволить себе сдаться.

Это придорожное кафе. Маленькое, с вывеской “Луна”, которая давно не ремонтировалась.

И первое, что мне приходит на ум. Это как такое место могло расположиться в подобном районе?

Но сейчас это неважно. Я спасена. У меня будет крыша над головой и тепло.

Я врываюсь внутрь, громко хлопая дверью.

Тепло.

Пахнет кофе и жареным луком.

За стойкой стоит пожилая женщина. Она поднимает на меня глаза и застывает с открытым ртом.

— О господи... Милочка, что ж с тобой приключилось?!

Я понимаю, как выгляжу в ее глазах.

Промокшее насквозь рваное платье.

Растёкшаяся тушь.

Босые ноги в грязи до самого колена.

— Вам... вам нужна помощь? — женщина осторожно протягивает мне мягкий, ворсистый плед.

Без слов я принимаю его дрожащими от холода руками и мотаю головой.

— С-спасибо, но у вас есть телефон... Можно я позвоню?

Женщина кивает, достаёт из-под стойки старый кнопочный аппарат, и я набираю номер. Единственный, который в данный момент имеет смысл.

— Папа..., — голос срывается. — Это я...

В ответ молчание. Лишь какие-то шумы, напоминающие о былом торжестве и звон бокалов.

А потом тяжёлый вздох.

— Где ты? — в его голосе нет ни грамма эмоций.

— Придорожное кафе неподалеку. Я... я не знаю как до него добраться, но...

— Я знаю. Выезжаю прямо сейчас. Дождись меня там и никуда не уходи.

Глава 6

Лиля

Я сижу на липком пластиковом стуле, сжимая в руках стакан с чаем, который мне налила хозяйка кафе. Пар обжигает лицо, но мне нужно это тепло. Нужно что-то реальное, осязаемое среди всего этого кошмара.

Несколько случайно заблудших посетителей то и дело косятся в мою сторону, отрываясь от своих тарелок, и от их взгляда кожа покрывается испариной.

— Милочка, что ж у тебя стряслось, раз ты здесь в подобном виде? — спрашивает женщина, сидя рядом со мной, но я не могу вымолвить ни слова.

Не могу сказать ей правду. Это так низко. Подло. Стыдно, что я лишь ниже опускаю голову, поджимая губы.

— Ладно-ладно. Не говори. Ты главное успокойся. Твой папа. Он же придет за тобой?

— Да, — отвечаю, но мой голос звучит словно чужой.

— Ну, хорошо. Давай я тебе тосты сделаю. Ты же вон вся бледная.

— Спасибо, но я не голодна, — приподнимаю голову, встречаясь с ее взволнованным взглядом.

Женщина молча кивает. Больше не задает вопросов. Сидит рядом, и я чувствую, что не одна. Я не одинока.

Дверь распахивается с таким шумом, что я вздрагиваю и стакан чая вываливается из моих рук. Горячая жидкость растекается по столу. Стекает, капает на меня, но я ничего не чувствую.

— Ой! Батюшки! — выкрикивает женщина, и только когда ее руки начинают промакивать мое и без того мокрое платье салфетками, я чувствую тепло чая.

— Все в порядке. Благодарю, — останавливаю ее руки.

— Лиля.

Отец.

Он стоит на пороге в мокром от дождя плаще, его волосы прилипли ко лбу. В глазах не беспокойство, а... что-то другое?

— Ты знал.

Это не вопрос. Я практически уверена в этом. Настолько, что от одного этого вопроса в горле мгновенно пересыхает.

Он тяжело опускается на стул напротив и кивает.

Хозяйка кафе сразу все понимает и тут же удаляется, но то и дело поглядывает в нашу сторону из-за стойки, протирая кружки.

— Да.

Один короткий слог и земля уходит у меня из-под ног.

— Как давно? — хрипло выдавливаю из себя, чувствуя, как слезы подкатывают к глазам, но я не позволяю им сорваться вниз.

Отец проводит рукой по лицу, оставляя мокрые полосы.

— Смотря, о чем именно ты спрашиваешь, — он стыдливо отводит взгляд в сторону.

— Значит, ты в курсе всего, — говорю сама себе, и в груди все сжимается до крохотной точки, в которой еще теплится надежда на то, что отец не будет таким, как они.

— По поводу твоей свадьбы... Я знаю обо всем чуть больше полугода, — признается он, вбивая в мое сердце еще один ржавый гвоздь.

— Больше полугода, — повторяю за ним. — И ты ничего мне не сказал.

— Я не мог. Твоя мать... ты же знаешь ее. Она запретила. Сказала, что это бизнес и не стоит туда вмешиваться. Что у нее все схвачено. Что ты знаешь. Что...

— Замолчи! — вырывается у меня слишком громко, привлекая еще больше внимания. — Я не хочу этого слышать. Ты... я верила тебе, пап. А ты предал меня. Опять. Ты опять пошел у нее на поводу.

— Лили, милая. Я не думал, что все обернется именно так. Я не знал, что Лиза...

— Что? Что она трахается с моим женихом, пока я готовлюсь к свадьбе?

Он смотрит на меня виновато, бегают глазами по залу, словно есть что-то еще, что он скрывает от меня.

— Да.

— Раз ты не знал о сестре, то получается... Ты знаешь о том, что мама и Эдвард Адамович..., — у меня не хватает сил, чтобы договорить это вслух.

— Знаю. Нашёл переписку в её телефоне, — холодно отвечает он.

Я смотрю на его руки. Крупные, рабочие, с коротко подстриженными ногтями. На безымянном пальце красуется бледный след от обручального кольца.

— И ты ничего не сказал мне?

Как я раньше не заметила, что с его руки пропало обручальное кольцо, которое он никогда не снимал? Не могу отвести взгляд от этой бледной полоски.

— Я собирался. После свадьбы.

В груди что-то ломается.

— После...

— Ты не поняла бы. Это сложнее, чем кажется, Лилия.

— Ты разведешься с ней? — спрашиваю в лоб. — Мы уедем с тобой подальше от них. От этих предателей. От всей этой грязи.

Отец молчит. Отворачивается к стойке и показывает хозяйке, чтобы она принесла нам новый чай.

— Я жду ответа, пап. Давай уедем!

— Нет. Я не разведусь с ней и никуда не уеду, — приговждает он меня к месту так, что я, кажется, в два счета выдыхаю весь кислород, который был в моих легких. Перед глазами все расплывается. Я не могу поверить в его слова. Это бред. Он не может такого мне сказать.

— Ч-что?

— Я тебе повторяю еще раз. Все намного сложнее, чем ты думаешь. Она все еще моя жена. Да, я временно отказался от кольца на пальце, но это не значит, что мы с ней...

Хозяйка кафе осторожно ставит перед нами два новых стакана. Мы молча пьем. Чай горький, перестоявший.

— Они... они же...

— Полгода, — отец ставит стакан так резко, что тот даёт трещину. — С тех пор, как мы начали переговоры о слиянии компаний. Это бизнес, Лилия.

Бизнес.

Это слово снова преследует меня.

— Так это...

— Да. Ты была разменной монетой.

Я вдруг понимаю, почему мать так яростно защищала Марка. Почему его отец смотрел на меня с таким... расчетом.

— А ты? — спрашиваю я. — Ты тоже был частью этого?

Отец резко встаёт. Смотрит не на меня, а куда сквозь. Его взгляд пустой, но он быстро берет себя в руки.

— Я твой отец!

В его голосе впервые за вечер прорывается эмоция. Злость. Он злится... на меня.

— Лиля, — он достаёт из кармана ключи от машины, бросает их на стол. — Я забрал твои вещи из дома. Документы. Деньги. Все лежит в машине. Она снаружи. Решай сама, куда тебе ехать.

Я безразлично сканирую взглядом ключи, потом отца. Того, кому я всегда верила. Кого любила всем сердцем.

— А ты?

— У меня есть дела.

В его глазах что-то опасное.

— Какие дела?

— Семейные. Маргарита ждет меня дома.

Отец поправляет пиджак и поворачивается к выходу.

— Думаешь, что сейчас ей нужен ты, а не отец Марка? — вырывается у меня без моего ведома. В груди все пылает.

Отец стоит неподвижно. Его спина напряжена до предела. Мышцы перекачиваются под тонкой тканью.

— Не смей говорить со мной в таком тоне, — оборачиваясь, говорит он, сквозь сжатые зубы.

— Разве я не права? — поднимаюсь так резко, что пластиковый стул падает за моей спиной. — Во мне больше смелости, чем в тебе! Я узнала о похождениях Марка и рискнула всем на глазах у сотен людей. А ты, папа... Ты жалкий трус, которым всегда и был. И пока ты ведешь себя таким образом, мама будет продолжать вытирать об тебя ноги, — договариваю слишком тихо. Слезы все же срываются с моих глаз.

Папа всегда был таким. Всегда позволял ей творить все безнаказанно.

Это ЛЮБОВЬ! — твердил он из раза в раз.

Любовь... как же это смешно.

— Это не любовь, папа. Это трусость.

— Тебе лучше вернуться к Марку, — говорит он без единой эмоции. — Это мой тебе совет.

— Я не вернусь, пап. Я не такая, как ты. Я не верю, что любовь должна причинять столько боли.

— Как хочешь, но не забывай, что твоя мать не пустит все на самотек. И отец Марка..., — его челюсти сжимаются сильнее. — Он не позволит.

Дверь закрывается за ним с тихим щелчком.

Я остаюсь одна. С ключами в руке. С разбитым сердцем.

И с одной единственной мыслью:

Это ещё не конец.

Визуал. Часть 2

Лиза.

У нее есть цель и судя по всему, она не собирается от нее отступить

Эдвард Адамович.

Пока он довольно тайный персонаж, но скоро мы с ним обязательно еще встретимся.

Артем.

Друг или враг? Ведь он смолчал о похождениях Марка.

Глава 7

Лиля

Дождь. Он не останавливается ни на секунду. Смотрю в мутноватое окно кофейни и понимаю, что больше не могу здесь оставаться. Я притягиваю к себе слишком много взглядов.

Посетители. Те редкие гости буквально пожирают меня глазами, а в них любопытство и брезгливость.

— Сколько с меня? — спрашиваю у хозяйки, набравшись смелости и оставив свое место, под которым теперь целая лужа, образовавшаяся от стекающих капель дождя с моего платья.

— Ничего не должна. Бог с тобой! Пусть у тебя все наладится.

— Спасибо.

Выскакиваю из кафе и тут же сажусь в машину. Она все еще хранит тепло. Запах отца. Древесные нотки с легкой горчинкой.

Дождь продолжает стучать по крыше машины, как тысячи крошечных пальцев, поторапливающих меня. Беги, скройся, исчезни. Но куда?

Я сжимаю руль так, что пальцы немеют. Перед глазами всё ещё стоит отец. Его крепкая спина, повёрнутая ко мне, мокрый пиджак, и это страшное и ледяное: “У меня есть дела”.

Семейные.

Семья.

Какое лицемерное слово. Отец должен был остаться со мной. Поддержать. Успокоить, но предпочел уйти вот так. Ничего не объяснив. К моей матери, которая предала не только меня, но и его.

Втыкаю ключ в замок зажигания. Руки дрожат, металл скользит по мокрой коже, но на третий раз двигатель вздрагивает и заводится.

Куда я собралась? Мне некуда ехать.

Все, что было мне дорого, осталось там. На этой чертовой свадьбе.

Вернуться? Нет. Там они. Мать с её новоиспеченным любовником, “друзья”, которые все знали, Лиза...

Я трогаюсь с места и еду. В неизвестном направлении. В никуда. Просто вперед.

Дождь усиливается. Стеклоочистители едва справляются, а мир за окном расплывается в серо-зелёное месиво. Дорогу практически не видно, но мой взгляд цепляется за указатель.

Огромный. Синий. Я так четко выхватываю его глазами из беспросветного ливня.

“Лесное”, пять км и четкая стрелка направо.

Моё сердце делает странный прыжок. Лесное.

Домик.

Тот самый, который отец построил для меня, когда мне было двенадцать. “Место, где можно спрятаться от всего мира”, — говорил он тогда.

Я даже не осознаю, что выкручиваю руль вправо, пока колёса уже поворачивают по размокшей грунтовке.

Глупо.

Он наверняка сгнил за эти годы.

Машина влетает в колею и ее резко бросает в сторону. Я кричу, выкручиваю руль в другую сторону, чувствую, как задние колёса теряют сцепление. Резкий свет фар встречных машин. Отбойник. Снова фары, и я останавливаюсь, въехав в кусты у обочины.

Тишина.

Только дождь барабанит по крыше.

И моё дыхание — частое, прерывистое. Такое ощущение, что его слышно даже на улице, несмотря на шум дождя.

Со всей силы бью кулаком по рулю. Один раз. Второй. Третий. Пока тупая боль не пронзает ладонь.

Марк.

Его лицо всплывает перед глазами против моей воли. Не то, каким оно было сегодня, искаженное яростью, а то, каким я любила его. Мягкая улыбка, тёплые глаза, пальцы, осторожно отодвигающие прядь волос с моего лица.

Всё ложь.

Каждое прикосновение. Каждое слово. Каждое “люблю”.

Включаю передачу и с проскальзыванием колес выезжаю обратно на дорогу.

Пять километров. Я справлюсь. Смогу добраться до туда, даже если от того домика не осталось ничего целого.

Последний поворот по грунтовой дороге и я оказываюсь на месте.

Домик стоит там, где и должен. Полускрытый за разросшимися берёзами, его зелёные стены потемнели от времени, крыша слегка просела.

Место, где я когда-то была счастлива.

Оставляю тёплый салон и подхожу к двери. Дергаю ручку. Заперто. Неприметный глиняный горшок стоит справа от входа. Поднимаю его, и уголки моих губ слегка вздрагивают.

Ключ всё ещё на месте.

Дверь скрипит, открываясь. Воздух внутри густой, пахнет древесиной и пылью.

Всё так, как было. Две узкие кровати, столик из нестроганных досок, даже та самая ночнушка с совятами, брошенная на спинку стула перед самым отъездом.

Мы спешили, когда уезжали. Я думала, что мы вернемся, но нет. Мы больше никогда не приезжали сюда.

Я срываю с себя насквозь пропитанное дождем и предательством свадебное платье. Оно падает на пол с глухим шлепком мокрой ткани о деревянные половицы. Бесформенное, как сброшенная кожа.

Руки тянутся к ночнушке. Она пахнет временем, пылью. Вдыхаю и тут же начинаю чихать, но это лучше, чем мокрое платье. Надеваю ее и она идеально садится.

Прошло больше семи лет с тех пор, как мы отсюда уехали, а моя фигура не сильно-то изменилась. Только в груди немного жмет и штаны коротковаты, а все остальное просто идеально.

Сколько мне было? Восемнадцать? Двадцать?

Я уже и не помню. После нашего отъезда все так сильно изменилось, кроме одного...

Плед с вышитыми звёздами всё ещё лежит на моей кровати.

Я закутываюсь в него, забиваюсь в угол, подтягиваю колени к груди.

И тогда. Только тогда я позволяю себе заплакать.

Настоящими слезами.

Без пауз. Без контроля.

Я реву, как раненое животное, пока горло не начинает саднить. Пока в глазах не остаётся ничего, кроме сухого жжения.

Я не знаю, сколько проходит времени. Сознание медленно уплывает, утягиваемое волной истощения.

Последнее, что я чувствую — как плед впитывает все мои слёзы... все, до последней капли, а потом свет.

Яркий, резкий, бьющий в закрытые веки свет.

Я открываю глаза. Мне не показалось. За окном действительно светятся фары.

Поднимаюсь с кровати, откладывая плед в сторону и подхожу к небольшому окну.

У домика стоит машина. До боли знакомая. И та, которую я меньше всего хотела бы видеть, но она уже здесь, а значит встречи не избежать.

Глава 8

Лиля

Я стою у окна, и по телу пробегает озноб. Это не страх от того, что мне предстоит встретиться со своей болью лицом к лицу. Это то гадкое чувство, когда понимаешь, что у тебя поднимается температура.

Кожа становится в сотни раз чувствительнее. Каждое касание хлопковой ткани причиняет боль, а горло начинает саднить, но я продолжаю смотреть вперед.

Я знаю эту машину. Белый седан премиум класса с откидывающейся крышей.

Знакомые фары. Знакомый силуэт.

Я провела в ней слишком много часов. Смеялась, спорила, засыпала на пассажирском сиденье после ночных вечеринок. Я знаю её запах. Смесь её духов “Chanel №5” и вечного кофе с собой. Знаю, как шумят её колёса на мокром асфальте. Именно так, с этим специфическим присвистом.

Сестра.

Дверь водителя распахивается.

Лиза выходит. Её стройная нога в белоснежной лодочке моментально проваливается в грязь почти по щиколотку, а мне даже отсюда слышно её отборное:

— Чёртовы деревенские дороги!

Она трясёт испорченной туфлей, затем с силой швыряет её в багажник. Вторая следует за первой. Теперь она босиком, но идёт уверенно в своем идеальном платье. Как и всегда.

Я инстинктивно отступаю от окна, спотыкаюсь об поднявшуюся половицу. Пятку начинает саднить, но это ничто по сравнению с тем, как болит моя душа. Сердце колотится где-то в горле.

Зачем она здесь?

Как вообще нашла меня?

Стук в дверь. Не просящий — требовательный.

— Лилька, открывай! — ох, уж это ее “Лилька”.

Она так называет меня только когда ей что-то от меня нужно. Только когда она чувствует свою вину, но я ей не верю. Не верю в то, что она о чем-то сожалеет.

— Я вся промокла! Давай же!

Её голос... обычный. Будто ничего не случилось. Будто не было свадьбы, не было предательства, не было этих ужасных слов в банкетном зале. И не было того видео на двадцать три секунды с ней в главной роли.

Я не двигаюсь. Смотрю на дверь, но не тороплюсь подходить ближе.

— Я вижу тень у окна, не прикидывайся, что тебя нет! — она снова стучит, теперь уже кулаком. Дергает ручку. От времени та стала слишком хлипкой, и если я не открою ее прямо сейчас, то она точно сможет ее вырвать. — Чёрт, тут лужа прямо у порога! Лиля!

Что-то во мне сжимается. Старое. Детское. Я медленно подхожу к двери и с замиранием сердца поворачиваю ключ.

Лиза стоит на пороге. Мокрая и злая.... Её светлые волосы, обычно идеально уложенные, теперь слиплись на плечах. Макияж расплылся, оставив тёмные дорожки под глазами.

— Ну наконец-то! — она фыркает, переступая порог. — Ты хоть представляешь, сколько я тащила по этим чёртовым...

Её слова обрываются, когда она видит меня в старой пижаме с совятами, с опухшим от слёз лицом.

На секунду воцаряется тишина.

— Черт, ты выглядишь ужасно. Зачем ты напаялила на себя эту дрянь? Да, от нее же..., — она слегка наклоняется и шумно втягивает воздух рядом с моим плечом. — Боже, от нее разит, как от старушечьих шмоток, — говорит она, стряхивая воду со своего платья. — Ну и дыра..., — оглядывается она по сторонам.

Я сжимаю кулаки. Неужели она думает, что ночнушка и то место, где я нахожусь — это единственное, что меня беспокоит в данный момент?

— Что ты здесь делаешь, Лиза?

Она проходит мимо меня, осматривает домик. Сморщенный нос выдаёт её отношение к этому месту.

— Тебя искала, конечно. Думаешь, я бы приперлась в эту глушь просто так? Там весь город на ушах. Мама в истерике. Марк...

— Не произноси его имя! — перебиваю ее, и мой голос звучит хрипло, но неожиданно громко.

Она замирает, затем медленно поворачивается.

Лиза.

Моя сестра. Та самая, что три месяца назад рыдала у меня на плече, клянясь, что никогда не простит Марку его взглядов в её сторону.

Теперь она стоит на пороге в своем идеальном наряде, который резко контрастирует с потемневшими от времени стенами. В руках — бутылка вина и два бокала.

— Ах, вот как! — её губы растягиваются в улыбке, которая мне всегда не нравилась. — Значит, всё ещё его любишь?

Я чувствую, как к глазам вновь подступают слезы. Я думала, что уже все выплакала. Что во мне не осталось этой соленой влаги, но она вспомнила о нем, и в груди все засадило.

— Уходи.

— Ты прогоняешь меня? — ее идеальные брови взлетают вверх, но она не уходит.

Вместо этого садится на край кровати. Ставит вино с бокалами на пол. Они со звоном ударяются друг о друга. Словно из ниоткуда, она достает мокрую пачку сигарет.

— Знаешь, мне всегда нравилось, как ты разыгрывала эту трагедию, — она закуривает, затягивается. — Ещё в детстве, помнишь, когда я сломала твою куклу? Ты три дня не разговаривала со мной, ходила как тень.

Я смотрю на неё и вдруг понимаю — она наслаждается этим. Ей нравится то, в каком я оказалась состоянии.

— Ты спала с ним, — говорю я и в горле начинает першить еще сильнее. — Все эти месяцы...

Лиза выпускает дым колечками, ловит их взглядом. Потом зажимает сигарету зубами. Берет в руки бутылку вина. Пробка с хлопком вылетает. Алые капли падают в бокалы.

— Да. Держи. Тебе стоит успокоиться, а то ты как-то напряжена.

Беру бокал и делаю глоток. Вино во рту вдруг становится горьким, но зато пропадает першение и дикое желание закашляться.

— Почему?

Она откидывается на подушки, смотрит в потолок.

— Сначала это был эксперимент. Потом я увлеклась. Потом... В общем, ты же сама знаешь, что он умеет делать так, чтобы ты чувствовала себя единственной.

Я сжимаю бокал так, что стекло вот-вот треснет.

— Ты ничего мне не сказала!

— А зачем? — она пожимает плечами. — Ты бы всё равно мне не поверила. Ты так обожала своего “идеального Марка”.

Я чувствую, как подкашиваются ноги, опускаюсь на кровать напротив нее.

— Ты... ты же моя сестра.

— Да, — она встаёт и подходит ко мне. Топит сигарету в моем бокале. — И поэтому я здесь.

Лиза неожиданно приседает передо мной, берёт мои руки в свои.

— Я могла бы остаться там. С ними. С их деньгами. С их ложью, — её пальцы сжимаются.

— Но я выбрала тебя понимаешь?

Я поднимаю на неё глаза.

— Почему?

Её улыбка становится мягче.

— Потому что ты единственная, кто всегда верил в меня. Даже когда я этого не заслуживала.

За окном бьётся о землю крупная капля. Потом ещё одна.

Ливень набирает новые обороты, барабания по крыше. И каждая его капля, словно новый удар в мое сердце.

Глава 9

Лиля

Дождь за окном превратился в сплошную стену воды. В домике пахнет сыростью, старым деревом и... её духами. Всего несколько минут, и её аромат уже заполнил пространство, словно вытесняя мои мысли.

— Ты не понимаешь, — Лиза разворачивается на пятках, её пальцы сжимают мой подбородок с неожиданной нежностью. — Я спала с ним не потому, что хотела.

Я отстраняюсь, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

— Он тебя...? — договорить не хватает смелости. Я не представляю Марка замешанным в чем-то подобном. Он хоть и поступил со мной отвратительно, но чтобы... изнасиловать...

— Не будь идиоткой, — она резко смеётся, доставая из мокрой пачки новую сигарету. — Просто игра была интереснее, чем я думала.

Сигарета вспыхивает в темноте. Оранжевый огонёк отражается в её глазах — холодных, расчётливых.

— Он обещал мне контракт в Лондоне. Я должна была стать там востребованной моделью. А взамен..., — она делает глубокую затяжку, выпуская дым мне в лицо.

— А взамен ты должна была удовлетворять все его желания?

— Боже, Лиля. Ты вроде вон замуж почти вышла, а все еще ведешь себя как наивная овечка среди стаи волков.

— Тогда зачем ты это сделала? Не говори мне про свои эксперименты. Это звучит как абсурд. Лучше ответь на один вопрос. Тебя вообще не остановило то, что мы с тобой родные сестры?

— Если ты хочешь услышать, что я мучилась угрызениями совести, пока кончала на его члене, то... Не думаю, что я так скажу. Он действительно умеет доставлять удовольствие.

Все внутри меня взрывается от ненависти. Перед глазами внезапно возникает та картинка из отеля. Как моя сестра садилась на Марка верхом. Как стонала. Как ее грудь вздымалась от каждого нового движения.

Меня начинает мутить. Ком застревает в горле. Кислорода катастрофически не хватает.

— Я должна была убедиться в том, что ты подпишешь брачный договор.

Комната вдруг переворачивается. Я хватаюсь за спинку кровати.

— Какой... договор?

— Тот, где ты отказываешься от доли в компании нашего папочки в случае развода, — её голос звучит будто из-под воды. — Ты же знаешь, отец Марка всегда мечтал отхватить лакомый кусочек, которым владеет отец.

Капли дождя стучат по крыше, сливаясь с бешеным стуком сердца.

— Но зачем тогда наши отношения и... свадьба и все это?

— Лиля, включи уже голову. Марк там ничего не решает. Его отец нашел способ, как урвать то, что ему нужно, и все. Ничего личного. Бизнес.

Бизнес.

Что за проклятое слово, которое никак от меня не отвяжется?

— Тогда почему я, раз вы с Марком так хорошо спелись? — мой голос не дрожит, не срывается. В каждом слове сочится сталь.

Лиза замолкает. Закусывает нижнюю губу. Отворачивается в сторону. На долю секунды я даже успеваю разглядеть боль в ее глазах, но она быстро берет себя в руки.

— Так ты собираешься отсюда уезжать? — игнорирует она мой вопрос.

— А видео? — перебиваю ее.

— Как же много у тебя вопросов. Это случайность, — она устало пожимает плечами. — Кому-то было невыгодно, чтобы ты вышла замуж. Вот и слили информацию.

Её откровенность обжигает хуже, чем дым. Лиза вдруг резко встаёт, сминает пачку сигарет в руках с идеальным маникюром.

— Хватит болтать. Собирай вещи. Здесь никакой санитарии. Ты заболеешь через два дня.

Молчу. Не говорю ни слова о том, что мне сейчас уже плохо. О том, что у меня в глазах двоится. О том, что я чувствую, как температура поднимается все выше.

— Зачем тебе это? — мой шёпот едва слышен.

Она замирает у открытой двери, её силуэт чётко вырисовывается на фоне ливня.

— Потому что ты моя сестра, — в её голосе впервые появляются нотки чего-то настоящего. — И потому что..., — она поворачивается, и я вижу в её глазах ту самую Лизу, которая в семь лет зашивала лапу моему любимому плюшевому медвежонку. — У меня с Марком личные счёты. Ты не знаешь всего.

Я сжимаю плед. Наш общий, с вышитыми звёздами, который она подарила мне на день сестры.

— Я...

— Не сомневайся, — её голос становится твёрдым. — Я помогу тебе отомстить, но только если ты согласишься выбраться из этой дыры.

Она распахивает дверь. Ветер врывается внутрь, срывая со стола старую фотографию. Мы с ней на качелях, еще совсем маленькие, смеёмся беззубыми ртами.

— Это твой последний шанс, Лиля. Ты же знаешь, что я не предлагаю помощь дважды, — её протянутая рука замирает в воздухе, оставляя выбор за мной. — Позволь мне помочь тебе, иначе я больше не приду, и тебе придется самой бороться с ними.

Я смотрю на её пальцы. Те самые, что держали Марка за моей спиной. Те самые, что вытирали мои слёзы в детстве.

Дождь хлещет по крыльцу. Фотография кружится на полу. Где-то далеко гремит гром.

Поднимаю свою руку над полом. Она замирает в паре сантиметров от ее идеальных пальцев с ярко-красным маникюром.

Сердце хочет верить в ее искренность, но вот разум...

Подхожу ближе, касаясь пальцами ее холодной ладони, и Лиза тут же ухмыляется.

— Умница. Я знала, что в тебе еще остались крохи здравого смысла. Пойдем скорее! — она тянет меня вперед. Я делаю еще шаг, позволяя ей выйти за порог моего “убежища”, и останавливаюсь.

Холодный дождь бьет по нашим рукам. Лиза оборачивается. В ее глазах полное недоумение.

— Да ладно тебе! Чего замерла?

Я стою неподвижно. Пытаюсь разглядеть в ней сестру, которая в детстве всегда была рядом, но не могу. Она больше не та милая девочка. От нее осталась лишь расфуфыренная идеальная оболочка.

— Знаешь, Лиза. Я, может, и полная дура, раз не заметила, как вы трахаетесь за моей спиной, но не настолько, чтобы наступить на одни и те же грабли во второй раз, — резкий рывок, и я освобождаю свою мокрую от дождя руку. — Ищи другую идиотку, которая поверит во все твои сладкие речи!

С силой бью по двери, и она захлопывается прямо перед ее носом. Прижимаюсь к ней спиной, чувствуя, как сестра с кулаками обрушивается на дверь с обратной стороны.

— Идиотка! Я хочу тебе помочь! Открывай. Без меня тебе не справиться. Кто ты такая, чтобы противостоять им всем?!

Ее слова продолжают бить меня, нанося все больше душевных ран. Закрываю уши руками, зажимаюсь и считаю про себя.

Десять, девять, восемь...

Удары постепенно стихают, пока окончательно не исчезают.

Свет фар скользит по окну, и я понимаю... она уехала.

Глава 10

Лиля

Я прихожу в себя от пронзительного озноба, сотрясающего все тело. Каждая мышца горит, как будто меня пропустили через мясорубку. Голова гудит, словно в нее вбили десяток гвоздей, а веки словно налились свинцом, делая каждый взгляд мучительным усилием.

Приподнимаюсь на руках. Пол подо мной стал холодным и липким. Видимо, я пропотела сквозь ночнушку за эту бесконечную ночь.

Перед глазами расплывается белое пятно.

Разорванное свадебное платье. Оно лежит там, где я его бросила в приступе отчаяния, но теперь оно кажется чужим. Как театральный реквизит из давно забытого спектакля, в котором я отказалась участвовать. Кружева, еще вчера казавшиеся такими прекрасными, теперь напоминают паутину, в которой я едва не запуталась навсегда.

И это не сон. Это не кошмар. Это моя новая реальность. И мне ее надо принять.

С силой сжимаю виски пальцами, пытаюсь собрать рассыпающиеся мысли воедино. В горле першит, а в груди темнота, будто кто-то вырвал все внутренности и оставил только ледяную, колющую пустоту.

Где-то там, под слоем шока и боли, теплится ярость. Чистая, первобытная, но пока я слишком слаба, чтобы дать ей выход.

Пошатываясь, поднимаюсь на ноги. Отец говорил про мои вещи. Я четко это помню. С трудом спускаюсь по скрипучей лестнице и открываю машину. На заднем сиденье лежит рюкзак, в который отец предусмотрительно положил некоторые мои вещи. Каждое движение дается с трудом. Суставы скрипят, мышцы горят.

Выворачиваю рюкзак наизнанку. Вечерние платья, топы, юбки. Все, что мне сейчас меньше всего может пригодиться, но я уверена, что он это не специально. Скорее всего он торопился и сгреб все, что первым попало ему под руку.

Дрожащими пальцами нащупываю аптечку. Парацетамол, леденцы от горла, даже какие-то антибиотики. Отец всегда готовится ко всему. Я заглатываю таблетки, не разбирая дозировки и запиваю холодной водой из бутылки, которая давно болталась в салоне без дела.

Опускаюсь на заднее сиденье и замечаю белый конверт под водительским креслом. Его точно там не было. Я не так давно загоняла ее на мойку, и если бы он там был, то мне бы сказали.

Дотягиваюсь до него. Он кажется неожиданно толстым в моих руках. Наличные, кредитки на мое имя, даже та самая золотая монета “на удачу”. Как папа всегда говорил, убирая ее мне в карман перед важными событиями. Ее холодная поверхность сейчас ощущается единственной твердой точкой в моем рушащемся мире.

Этого должно хватить, чтобы скрыться. Чтобы начать все сначала. Чтобы забыть о том, что произошло. Перечеркнуть. Безжалостно вырвать из памяти и из своего сердца.

Среди купюр нахожу блеклый листок бумаги. Аккуратно вытаскиваю его, стараясь разглядеть в тусклом свете раннего солнца, что написано размашистым почерком отца:

“Тебе этого хватит на первое время. Сделай все, чтобы пока не показываться. Я постараюсь все уладить. Держись, Лиля и помни, что за черной полосой, всегда следует белая”.

Он не оставил меня. Не предал. Не бросил, но тот факт, что мама... и он знает... и Эдвард Адамович...

Гоню все эти мысли прочь. У меня есть деньги и машина. Я уже не в таком бедственном положении, как могла оказаться.

Среди этого бедлама вещей взгляд цепляется за небольшую синюю коробочку. Папа знал, насколько она для меня важна, поэтому он прихватил и ее.

Брошь.

Бабушкина брошь с сапфиром, которую она подарила мне перед нашим отъездом. Брошь, как единственное напоминание о самом близком для меня человеке. О том, с кем я проводила дни напролет. Кто всегда меня поддерживал и помогал переживать трудные времена.

Трясущимися руками открываю ее, чувствуя, как слезы стекают по моему лицу, застилая все перед собой, но...

Ее там нет.

Коробочка пуста. Сердце бросается вскачь. Куда она делась?

Смахиваю слезы с лица, переворачивая вещи.

— Где же ты? Прошу, только не это. Она — моя единственная память, — руки замирают над красным вечерним платьем. Осознание с силой врывается в мое сознание.

Марк.

Он временно взял ее для оценки у своего ювелира, но так и не вернул.

“Чтобы ты могла рассчитать, какие у тебя огромные активы. Это не займет больше двух недель,” — сказал тогда он.

Две недели. Те самые, перед тем, как я узнала правду.

А потом все мои мысли крутились далеко не здесь. Я была не в себе и совершенно не думала о броши.

Единственное, что осталось от бабушки. Единственная ниточка, связывающая меня с тем временем, когда мир еще имел хоть какой-то смысл. Когда люди не предавали. Когда любовь не была расчетом.

Закрываю глаза, ясно представляя ее. Старинная серебряная оправа с замысловатым узором, камень цвета ночного неба, который будто светится изнутри.

Скорее всего, Марк хранит ее в сейфе. В своем кабинете, который всегда запирает на ключ.

Мысли скачут, как испуганные кролики. Я должна ее вернуть. Я не могу позволить ему отнять и эти приятные воспоминания, но вернуться к нему просто так было бы слишком глупо. Я должна все продумать. Сделать так, чтобы он не узнал о моем визите.

Обычно он на работе до семи. Горничная уходит ровно в пять. Код от ворот — мой день рождения, какая горькая ирония.

Вырисовываю в голове план, как на шахматной доске. Если подъехать к его дому со стороны парка, там где меньше всего камер. Зайти через старую калитку. Петли на ней скрипят жутко, но замок сломан еще с прошлого лета. Потом по садовой дорожке, прикрываясь кустами гортензий. Ключ от террасы все еще лежит под тем самым горшком с геранью. Он так и не смог отучиться от этой глупой привычки, сколько бы я ни говорила, и сейчас это играет мне на руку.

Но что, если...

Резко открываю глаза. Нет, он не мог оставить все как есть. Не после того, что я натворила.

Не Марк.

Он наверняка сменил коды. Мог даже установить дополнительные камеры. А Лиза... Лиза знает все мои привычки, все мои ходы. Если они с ним настолько близки, то она точно рассказала ему о том, что я вернусь за брошью во что бы то ни стало.

Сжимаю кулаки до боли, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Нужен другой подход. Совсем другой. Такой, чтобы я ни при каких обстоятельствах с ним не встретилась.

Решение приходит неожиданно.

В подстаканнике мои пальцы нащупывают холодный металл. Ключи от тех самых апартаментов в центре. Марк считает их своей “тайной холостяцкой берлогой”.

Где мы...

Нет, уже не важно, что было там. Все, что происходило, осталось в прошлом.

Важно, что там есть его ноутбук. С доступом к домашней системе безопасности. Со всеми его грязными секретами, которые он так тщательно скрывает.

Открываю заднюю дверь, опираясь на крышу машины. Голова кружится, но решение принято. Холодный дождь обжигает лицо, но это приятно. Это настоящее. Как и боль. Как и ярость. Как и решение, которое теперь горит во мне ярче любой лихорадки.

Не дом. Апартаменты. Сегодня. Пока Марк на разборе полетов после “свадьбы”. Пока все его внимание приковано к спасению репутации. Пока его отец разносит все в щепки, после устроенного мной позора.

Мои пальцы сами набирают номер службы такси.

Никогда не садиться за руль в таком состоянии — это мое первое и непоколебимое правило. Главное — безопасность.

В последний раз смотрю на домик. Здесь было безопасно. Здесь пахло детством и невинностью. Но безопасность — это иллюзия, которую мне продавали слишком долго.

Теперь я играю по своим правилам. И первый ход за мной.

Глава 11

Лиля

Дождь хлещет по крыше такси, словно пытается пробиться внутрь. Прижимаю лоб к холодному стеклу, наблюдая, как капли сливаются в причудливые узоры. Всего двадцать минут назад я думала, что у меня есть план. Что я контролирую ситуацию. Как же я ошиблась!

Такси вырывается с грунтовки на трассу и внезапно дышать становится труднее.

Тук-тук-тук.

Прислушиваюсь к биению собственного сердца.

Такси едва успевает набрать скорость, как впереди резко появляется знакомая черная Audi. Ледяной дождь хлещет по лобовому стеклу. Дворники едва справляются, но я сразу узнаю ее очертания. Тот самый автомобиль, который всегда стоит у гаража в доме Марка.

“Для лучшей сохранности” — всегда твердили мне.

Сердце бешено колотится в груди, когда черный внедорожник резко выворачивает перед нами, заставляя таксиста врезаться по тормозам.

— Ёб твою мать! — таксист бьет кулаком по рулю. Его карие глаза в зеркале заднего вида расширяются от шока. — Они что, совсем охренели?! Накупят себе прав, а ездить так и не умеют! Идиот! — кричит он, объезжая внедорожник.

Вцепляюсь пальцами в сиденье, чувствуя, как ремень безопасности врезается в шею. В горле пересыхает.

Это не может быть правдой. Они не могли найти меня так быстро. Они не знают про домик. Только если... Лиза.

Прикрываю глаза, стараясь совладать с эмоциями. Предательница! Кто бы сомневался, что она так со мной поступит!

— Это... это за вами? — голос таксиста дрожит. Его пальцы нервно барабают по рулю. — Не похоже, что он случайно перекрывает нам дорогу в третий раз. Это довольно опасно, учитывая погодные условия.

Качаю головой.

— Нет. Не за мной. Пьяный, наверное. Просто... просто объезжайте. Это должно быть ошибкой.

Но когда он пытается перестроиться, внедорожник снова резко перекрывает нам дорогу. Тонированные стекла скрывают лицо водителя, но я знаю... Эти плавные движения, этот номерной знак с тремя семерками... Это поведение на дороге.

— Слушайте, девушка, — таксист оборачивается ко мне. Капли пота выступают на его лбу. — Я все понимаю, но у меня дома жена. Двое маленьких детей. Мне... мне не нужны проблемы.

Его руки дрожат так сильно, что я даже отсюда вижу, как трясется ручка переключения передач.

— Их не будет, — пытаюсь звучать уверенно, но мой голос предательски надламывается. — Просто продолжайте путь. Они отстанут. Это точно какие-то пьяницы. Сами знаете, какой район не так далеко отсюда. Да и машина, и номер. Видно же, что какие-то мажоры.

Он делает еще одну попытку, резко вывернув руль влево. В ответ раздается оглушительный гудок, и внедорожник снова перекрывает нам дорогу. Нашу машину заносит, колеса визжат по мокрому асфальту.

— ХВАТИТ! — водитель ударяет по тормозам так сильно, что меня бросает вперед, и я слегка ударяюсь головой о подголовник переднего сиденья. — Видите, что происходит?! Они нас убьют!

Его глаза полны животного страха. Он дышит так часто, что я начинаю переживать, как бы у него не случился приступ.

Внезапно внедорожник резко притормаживает и встает на обочине. Двери не открываются. Он просто стоит, словно ждет, когда я сама выйду из машины и подойду ближе.

Таксист следует его примеру и встает позади. Его дыхание тяжелое. Руки трясутся. Он молчит, но напряжение, повисшее в воздухе такси можно резать ножом.

— Выходите, — шепчет таксист. Его пальцы сжимают руль до побеления костяшек.

— Вы что, с ума сошли? На улице ливень! Тем более вы не знаете, кто в той машине. Вы хотите отправить меня на верную гибель?

— А я повторяю, что у меня дома семья! Жена и двое маленьких детей, — он резко щелкает центральным замком. Звук отдается в перепонках, как приговор. — Я должен вернуться к ним живым. Они меня ждут. Так что либо вы выходите сейчас сами, либо мне придется вас вытащить силой.

Я смотрю в его глаза и понимаю, что он не блефует. Этот человек готов на все ради своей семьи.

Вот бы и ради меня семья готова была на все... Только это далеко не так.

Сердце бешено колотится, пока я тянусь за рюкзаком, который упал на пол от резкого торможения.

— Хорошо.

Как только моя нога касается асфальта, такси срывается с места, обдав меня волной ледяной воды из лужи.

Я остаюсь стоять посреди дороги, промокая до нитки, с рюкзаком в дрожащих руках. Поднимаю взгляд вверх. Холодные капли бьют по лицу.

Неужели не могло найтись другого дня для столь беспросветного ливня?

Черный внедорожник продолжает стоять на обочине, моргая аварийкой.

Подхожу ближе.

Щелчок.

Передняя пассажирская дверь приоткрывается и из темноты вытягивается рука. Узнаю массивное кольцо с черным ониксом.

— Садись, — раздается знакомый голос. — Пока я не передумал тебя спасти.

Продолжаю стоять под ливнем, но не тороплюсь принимать помощь.

— Зачем? — мой голос звучит хрипло. — Чтобы отвезти меня обратно? Отдать на растерзание? Еще раз посмеяться над глупой Лилей, которая не увидела, как за ее спиной одна ложь?

В ответ раздается тяжелый вздох, без капли иронии:

— Ты же знаешь, что если бы все было так, как ты говоришь, то ты бы уже сидела в багажнике и помалкивала?

Дождь стекает по моему лицу, смешиваясь со слезами.

— Тогда почему?

— Потому что у меня к нему свои счеты, — водитель наклоняется, и свет фар выхватывает лицо. Его глаза красные от усталости. — Будешь продолжать стоять там или все же сядешь в салон?

— Куда мы поедем?

— Узнаешь. Садись. Ты насквозь промокла.

— Обещай, что по дороге ты ничего не спросишь.

— Как скажешь. Садись уже, пока окончательно не разболелась.

— Откуда ты...

— Все потом. Давай сначала уедем подальше отсюда.

Глава 12

Лиля

Салон машины пропитан запахом мокрой кожи и дорогого парфюма. Кондиционер гудит на полную мощность, выдувая ледяной воздух, от которого по коже бегут мурашки. Я прижимаюсь к холодному стеклу, пытаюсь хоть как-то охладить пылающий лоб. За окном крошечная тьма, разрываемая лишь молниями, которые на секунду освещают изуродованные ветром деревья, склонившиеся над дорогой.

— Как ты?

— Сам как думаешь? — поворачиваюсь к Артему.

— Думаю, что дерьмово.

— А ты догадливый.

— погоди, — он на секунду отрывается от дороги, а у меня перехватывает дыхание.

— Ты с ума сошел! — ору, но голос звучит как хрип. — Убить меня хочешь?

— Переоденься, а то простынешь, — он вкладывает в мои руки свой черный свитер, который достал с заднего сиденья.

Сжимаю пальцами мягкую ткань, но вместо приятного тепла меня еще сильнее бросает в жар.

— Лиля, переоденься. Ты простынешь.

— Мне и так жарко.

Отворачиваюсь к окну, перебирая между пальцами его свитер.

— Хорошо, но если станет холодно...

— Я поняла тебя. Не стоит повторять по сто раз.

— Дай телефон, — голос Артёма звучит приглушённо, будто доносится из-под воды.

Мои пальцы судорожно сжимают потрёпанный смартфон.

— Зачем? — шепчу я, чувствуя, как по спине стекает липкий пот.

Он не отвечает, просто протягивает руку в ожидании. Широкая ладонь, с тонкими шрамами на костяшках. Рука человека, который привык драться. Который всегда стоял за меня горой, пока не появился Марк.

Перед глазами плывёт, вызывая неприятное ощущение укачивания. Температура делает своё дело. Мысли вязкие, как патока. Время то растягивается, то сжимается. Я чувствую, как пальцы разжимаются сами собой.

Хватает какой-то секунды, чтобы Артем вырвал телефон из моих рук.

Щелчок. Шум ветра, а потом глухой удар, среди шума дождя и хруст стекла.

— Ты что наделал?! — пытаюсь крикнуть, но из горла вырывается новый хрип. — Зачем ты выбросил мой телефон в окно? Совсем спятил?!

Артём не отвечает. Молча суёт мне в руки новый гаджет. Холодный, без единой царапины.

— Думаешь, как я тебя нашел? — спрашивает он, поворачиваясь в мою сторону, и я чувствую, как дрожь пробирает мое тело.

В салоне становится душно. Пахнет мокрой шерстью и чем-то металлическим, похожим на страх.

— Хочешь сказать, что ты следил за мной через телефон?

— Я нет, — он поворачивает голову, и свет фар встречной машины выхватывает жёсткий овал его подбородка. — А вот Марк... В телефоне вбит мой номер. Если тебе что-то понадобится, то можешь смело звонить в любое время. А если захочешь позвонить кому-то еще, то сначала подумай, можешь ли ты доверять этому человеку на все сто процентов.

Горький смешок застревает в горле.

— Думаешь, я сейчас вообще могу кому-то верить?

Тишина. Только стук дождя по крыше и хриплое дыхание. Артём больше не смотрит на меня. Все его внимание сосредоточено на дороге.

— Куда мы едем? — я первой прерываю это напряжение, возникшее между нами.

— Скоро узнаешь.

— Марк тоже будет там?

— Не глупи. Конечно, нет. Он не знает об этом месте, поэтому мы едем именно туда.

Через полчаса мы останавливаемся у небольшого, но современного дома. Аккуратный газон, панорамные окна, свежая краска на ставнях.

Я едва понимаю, где нахожусь и что вообще происходит. Артём выходит из машины, прикрывая голову рукой, словно это поможет ему укрыться от того ливня, который и не думает останавливаться. Дверь открывается, и на меня обрушивается стена влажного холода.

— Идём, — он касается моей руки, и его прикосновения обжигают.

Наши шаги практически не слышны. Легкий скрип гравия под ногами. Тусклый свет фонарей вдоль тропинки, а потом яркий свет в прихожей, от которого болят глаза.

— Где мы?

— У меня. Недавно купил. Хотел сдавать в аренду, но руки так и не дошли. Проходи.

Как только я ступаю на идеально чистый пол, мои ноги подкашиваются. Артём ловит меня за плечи.

— Ты как? Чёрт, да ты вся горишь!

— Я в норме, — пытаюсь вырваться, но его хватка железная.

— Так я тебе и поверил.

Я чувствую, как теряю опору, но вместо холодного пола — крепкие руки. Мир переворачивается. Потолок. Люстра. Его глаза серые, как дождь за окном.

— Тебе надо лечь.

— Отпусти! Я не хочу в спальню!

— Хорошо. Значит, диван.

Он аккуратно укладывает меня в гостиную, исчезает и возвращается с охапкой всего, что может пригодиться при болезни. Лекарства, термометр, бутылка воды, даже грелка.

— Отдохни немного, я пока что-нибудь придумаю из еды. Не стоит пить лекарства на голодный желудок.

Сквозь пелену перед глазами наблюдаю, как он колдует на кухне. Варит чай, нарезает лимон. Сильные руки двигаются уверенно. Что-то ударяется с металлическим звуком, и он оборачивается ко мне, словно извиняясь.

Прикрываю глаза всего на пару секунд, чувствуя, как диван пахнет кожей и чем-то чужим.

— Лиля, — слышу сквозь шум в ушах.

— М-м-м, — только и могу сказать, как Артём накрывает меня пледом. Его пальцы на секунду задерживаются на моём лбу. Я чувствую, как холодный наконечник градусника буквально прожигает кожу подмышкой.

— Черт! Тридцать восемь и девять, — слышу я сквозь пелену жара.

Потом звон ложки о стекло, скрип аптечки.

— Ты же привёз меня сюда не просто чтобы поддержать, — наконец говорю я. Голос звучит чужим. — Что тебе от меня нужно?

Артём замирает. Потом медленно поворачивается. В его глазах та самая опасная искра, которую я видела лишь раз, когда он поссорился с Марком из-за какого-то контракта.

— Сначала восстановись, а потом мы с тобой это обсудим. Вот, выпей, — крепкая рука придерживает меня за голову, помогая немного приподняться и выпить лекарства.

Горькие. Отвратительного вкуса. Они застревают у меня в горле, но Артём протягивает мне еще воды.

Проглатываю все до последней таблетки и голова становится тяжелой.

Последнее, что я слышу, прежде чем меня окончательно отключает:

— Черт, у тебя еще и ссадина на шее. Возможно, будет неприятно. Потерпи. Я обработаю ее.

Глава 13

Лиля

Я открываю глаза, и мир медленно проявляется передо мной, как проявочная фотография. Потолок с деревянными балками, белые стены, большие окна, за которыми бледнеет утро.

Голова тяжелая, будто налитая горячим свинцом, но уже не раскалывается от боли. Температура, по всей видимости, спала, оставив после себя только липкую испарину на коже и горьковатый привкус лекарств на языке.

С трудом приподнимаюсь на локтях. Диван скрипит подо мной. Кожаный чехол холодный и слегка липкий от пота. В комнате пахнет сосновым деревом и чем-то медицинским.

Где я?

Оглядываюсь. Современная гостиная с минималистичной мебелью. На журнальном столике полупустая тарелка, стакан с остатками чая, разбросанные таблетки в блистерах. На полу лежит скомканное одеяло и подушка без наволочки.

Не сразу замечаю Артема.

Он спит, свернувшись калачиком у дивана, как большая собака. Его спина прижата к дивану, одна рука под головой вместо подушки, другая сжата в кулак даже во сне. Темные волосы растрепаны, длинные ресницы отбрасывают тени на щеки. Подмечаю, что он выглядит моложе, без своей маски холодной уверенности.

Пытаюсь встать и едва не наступаю на его вытянутую ногу. Он вздрагивает, но не просыпается.

Мне нужно немного подышать. Крохотный глоток свежего воздуха, чтобы привести себя в чувство. Чтобы оставить все в прошлом.

Выхожу на террасу, обшитую деревом, и делаю глубокий вдох, только сейчас замечая, что на мне чья-то футболка. Огромная, синяя, до колен. Пахнет одеколоном, Артем. Чем-то древесным, с горьковатыми нотами. Поднимаю край к носу и вдыхаю глубже. Пару секунд спустя осознаю, что делаю, и бросаю ткань, как обожженная.

На улице сегодня довольно холодно. Дождь закончился, но воздух все еще дрожит от влаги, как после горячего душа. Обнимаю себя за плечи от легкого озноба. Куда идти? Что делать?

Машина. Надо ее забрать, пока не разобрали на запчасти.

— Рюкзак! — выкрикиваю, сама не ожидая от себя подобной реакции. Там же все мои самые важные вещи. Документы, деньги, ключи — все там!

Резко разворачиваюсь и тут же врезаюсь во что-то твердое и теплое.

— И куда тебя понесло? — Артём хрипит от сна. Его руки ловят меня за плечи. — У тебя только под утро спала температура, а ты уже стоишь на улице в одной футболке и мерзнешь.

Он накидывает мне на плечи плед. Мягкий, шерстяной, еще теплый от его тела.

— Иди в дом. Я подогрею суп. Ты вчера отрубилась, съев всего две ложки.

— Где мой рюкзак? — меняю тему, хватая его за руку.

Он замирает. Его кожа горячая, несмотря на утренний холод.

— Остался у меня в тачке. Вчера как-то не до него было. Я думал, ты отключишься раньше, чем мы приедем сюда. Там что-то важное?

— Можешь принести?

Без слов он выходит босиком на крыльцо. Проходит по мокрой траве. Я вижу, как мурашки бегут по его сильным рукам, как он слегка съеживается от холода, но даже не морщится.

Через несколько секунд он возвращается с моим рюкзаком, весь покрытый каплями утренней росы.

— Держи, но прежде, чем ты будешь его разбирать — поешь. Давай, не стой тут. Я не выдержу еще одну бессонную ночь.

Приобнимая меня за плечи, он возвращает меня в дом. Приятное тепло тут же окутывает со всех сторон.

— Садись. Как себя чувствуешь? — он гремит посудой, холодильником, и каждый звук кажется слишком резким.

— Уже лучше. Спасибо.

— Не за что. Ты же знаешь, что я не мог оставить тебя в таком состоянии?

— Знаю, — горло неприятно саднит, и я начинаю закашливаться.

Передо мной тут же возникает стакан с водой. Поднимаю голову, встречаясь с его заботливым взглядом. Он молча кивает и ставит передо мной тарелку дымящегося супа. Пахнет курицей и лавровым листом.

Мой желудок предательски урчит, напоминая, что я нормально не ела со вчерашнего утра.

— Что ты хочешь от меня? — спрашиваю, пока он разливает чай. Пар поднимается к его лицу, оседая каплями на ресницах.

— Куда ты собиралась ехать? — игнорирует он мой вопрос.

— К Марку. В апартаменты.

Он застывает с чайником в руке. Фарфор звенит от его внезапно сжавшихся пальцев.

— А ты знаешь, что он ждал тебя именно там? Если бы я тебя не перехватил, то... Погоди, или ты именно этого и добивалась? Хотела с ним встретиться?

— Нет! Я думала, что его там нет. Думала, что он у отца, и вообще с чего бы ему...

— Лиля, — он ставит чайник так резко, что тот звенит, как колокольчик. — Вы были вместе пять лет. Он знает тебя так же хорошо, как и ты его.

— И что ты предлагаешь? Мне нужно попасть туда любой ценой.

— Все дело в броши? — сразу понимает он.

— Да. И там его ноутбук. Если я до него доберусь, то смогу найти хоть что-то, чтобы они навсегда от меня отстали.

Артём медленно выдыхает. Его глаза становятся холодными, как сталь в зимнем лесу.

— А ты уверена, что хочешь, чтобы они от тебя отстали?

— Д-да, — неуверенно отвечаю, все еще чувствуя боль предательства в груди.

— Тогда у нас есть один шанс. И тебе не понравится, как мы это сделаем, — он пододвигает ко мне тарелку. — Но сначала ты нормально поешь.

— Нет уж, Артем. Сначала ты мне все объяснишь, — мой голос звучит твердо. — И пока я не получу ответы на свои вопросы, я даже пальцем не пошевелю.

Глава 14

Лиля

Между нами повисает густая, как смола, тишина. Яковыряю ложкой остатки супа на дне тарелки, наблюдая, как последняя лужица бульона медленно остывает.

Артём сидит напротив, его пальцы сцеплены перед собой так крепко, что костяшки побелели. Он смотрит куда-то сквозь меня, будто на стене за моей спиной разворачивается какой-то важный внутренний диалог.

— Если ты будешь продолжать молчать..., — мой голос звучит хрипло, — то я прямо сейчас возьму ключи и уеду.

Он не реагирует. Только мышца на его скуле дергается. Единственный признак того, что он вообще слышит меня.

Я встаю так резко, что стул с грохотом падает на пол. Шаги гулко отдаются в висках, где все еще пульсирует навязчивая головная боль. В гостиной пахнет лекарствами и его одеколоном. Кажется, этот запах теперь будет преследовать меня повсюду.

Рюкзак. Надо взять рюкзак. Мои пальцы дрожат, когда я хватаю его, и вдруг понимаю — это единственное, что у меня осталось.

— Стой!

Его руки хватают меня за плечи, разворачивают. Я вижу его глаза. Серые, как утро перед грозой, и такие же беспокойные.

— Давай поговорим. Я согласен.

Мои губы дрожат, но я нахожу в себе силы, чтобы остаться.

— Откуда ты узнал, где я? — перехожу сразу к делу.

Артём вздыхает, и этот звук наполнен такой усталостью, что мне вдруг становится жаль его, но лишь на секунду.

— Оповещение пришло на телефон Марка, который лежал на диване, пока его отчитывал отец, — его голос ровный, будто он докладывает о погоде. — Я заметил это первым, отправил себе геолокацию и удалил запись, чтобы он не знал, где тебя можно искать.

— Как это работает?

— В твоём телефоне стоит программа. В ней задаются определенные параметры. Есть своего рода безопасная зона, и то, что находится за ее пределами. Датчик срабатывает, если ты покидаешь безопасную зону и контролирует твои передвижения еще на расстоянии двадцати километров после нее, — отвечает он, а я вспоминаю тот день, когда Марк “подарил” мне новый телефон. Без повода. Просто так. Как же “мило” с его стороны. Жаль, что я узнаю о истинных причинах его подарка только сейчас.

Сжимаю рюкзак так крепко, что пальцы начинают неметь.

— Почему ты приехал именно на этой машине? Ты же всегда ездишь на другой.

— Она привлекает меньше внимания, и я уверен в том, что ее никто не контролирует.

— Думаешь, Марк не заметит её отсутствия возле своего гаража?

— Я сказал, что угнал её на техосмотр.

Его ответы слишком гладкие, будто отрепетированные. Что-то здесь явно не так.

— Ты меня переодел? — внезапно спрашиваю, чувствуя, как по щекам разливается жар. Он усмехается, но в глазах нет ни капли веселья.

— Ты же знаешь, что мне не составит труда раздеть девушку, не глядя.

— Знаю.

Слишком хорошо знаю. Артём всегда был тем, кого боялись девушки на вечеринках. Тот, кто мог снять лифчик одной рукой, не расстегивая. Тот, от кого девчонки сходили с ума. Как

когда-то и я. Пока не узнала, что он со всеми так обходителен, как со мной. Тогда-то я поняла, что ношу розовые очки. А потом появился Марк.

Искренний. Заботливый, который не смотрел ни на кого кроме меня.

Но сейчас от этого воспоминания становится только больно.

Все оказалось ложью.

— Ладно, согласен. С тем, чтобы тебя одеть, я изрядно повозился. Пришлось идти на разного рода ухищрения, но я ничего не видел. Честно, — он поднимает руки вверх.

— Когда ты стал таким? — мой голос дрожит. — Ты же всегда был на моей стороне, пока не появился Марк. Ты стал его лучшим другом, оставив меня за бортом. Я не злилась, понимала что мужская дружба это важно, но такой подлости... такого предательства, я от тебя не ожидала, — мой голос внезапно срывается. Ком застревает в горле, не позволяя говорить дальше.

Его лицо вдруг меняется. Маска холодности трескается, и на секунду я вижу того мальчишку, который когда-то дрался за меня во дворе.

— Прости, — он говорит так тихо, что я едва слышу.

— Почему ты мне не сказал? Почему не рассказал о том, что он и моя сестра... что они...

— Ты бы не поверила, — произносит он искренне.

Смотрю на него и понимаю, что он прав. Я бы не поверила. Не тогда. Не в тот момент, когда я была слепа.

Артём делает шаг вперёд, и его руки обнимают меня так крепко, что ребра ноют от давления. Его сердце бьётся настолько быстро, что я чувствую его сквозь одежду.

— Прости. Я должен был попробовать сказать, чтобы все не зашло так далеко, но ты была так счастлива с ним, что я не нашел в себе силы разрушить твою иллюзию, — его дыхание обжигает шею.

— Вот именно, Артем. Иллюзия, — отстраняюсь от него. — Я все это время жила в иллюзии.

— Прости, — он отступает на шаг назад, и в комнате внезапно становится очень холодно. — Теперь, — его голос снова твёрдый, — нам нужно действовать быстро. Потому что Марк знает, что ты сделаешь все, чтобы сбежать от него окончательно.

— И что?

— Он не остановится, пока не вернёт тебя.

— Почему? Зачем ему это, если у него с моей сестрой “любовь”?

Артём смотрит на меня, и в его глазах я вижу что-то новое. Страх?

— Потому что ты единственная, кто может его уничтожить. И он это знает.

Глава 15

Лиля

— Уничтожить?

Это слово повисает в воздухе. Тяжелое и ядовитое, как свинцовые пары. Я отшатываюсь, чувствуя, как холодная стена впивается в мою спину.

— Мне нужно просто исчезнуть, начать новую жизнь, а не...

Артём стремительно сокращает расстояние между нами. Его пальцы впиваются в мои плечи, и я зажмуриваюсь. Марк делал точно так же, когда клялся, что я его единственная.

— Он НИКОГДА тебя не отпустит! Ты что, совсем не понимаешь, с кем имеешь дело?! — его голос звучит хрипло, срываясь на крик.

— Отпусти!

Мои кулаки бьют по его рукам, но он только сильнее прижимает меня к себе. Я чувствую, как его грудь поднимается и опускается в бешеном ритме, как у загнанного в угол зверя. От него пахнет потом, мятой жвачкой и чем-то горьким. Страхом? Яростью? Или темной решимостью, которая пугает меня больше всего?

— Ты сделаешь всё, как я скажу, — его шепот обжигает ухо. Горячее дыхание смешивается с запахом крепкого кофе. — И только тогда он действительно оставит тебя в покое.

Я вырываюсь с силой, о которой сама не подозревала, и отбегаю к запотевшему окну. Холодное стекло соприкасается с ладонями, но это хоть какое-то ощущение реальности в этом кошмаре.

— Чего ты хочешь от меня?

— Ты должна съездить в его апартаменты.

Смех вырывается из моего горла сам по себе. Резкий, истеричный, больше похожий на предсмертный хрип.

Он хочет, чтобы я поехала туда, где все еще пахнет моими духами. Где в ванной стоит моя зубная щетка. Где все напоминает о том, как мы были счастливы. Зачем? Чтобы окончательно вырвать мое сердце из груди?

— Ты же сам сказал, что он ждет меня там!

— Ждет, — его губы растягиваются в улыбке, от которой кровь стынет в жилах. В этом выражении нет ничего человеческого, только холодный расчет. — Но он не готов к тому, что ты появишься именно сегодня.

Мир вокруг начинает плыть. В висках стучит адская кузница, сердце колотится так, что, кажется, вот-вот разорвет грудную клетку. Этот человек опасен. Артем играет в какую-то свою игру, а я... я снова пешка, которую переставляют по шахматной доске.

— Хорошо, — говорю я, но в голове уже складывается мозаика совсем другого плана. Моего собственного. Того, где я в очередной раз сбегаю.

Артём, кажется, читает мои мысли. Его пальцы сжимают мой подбородок с такой силой, что вот-вот останутся следы.

— Даже не думай сбежать, Лиля. Пойми, он хочет использовать тебя. Он уничтожит тебя, если ты не сделаешь этого первой, — его голос становится мягким. Я бы даже сказала обволакивающим.

— Я понимаю, — соглашаюсь с ним, понимая, что спорить сейчас бесполезно. Он не будет слушать, но мне этого и не нужно. — Говори, что ты хочешь, чтобы я сделала.

— Я знал, что ты, как преданная перед самой свадьбой девушка, точно захочешь мести, — его дыхание пахнет мятой и чем-то металлическим. — Значит, слушай внимательно...

Он начинает излагать свой план, и с каждым его словом пространство вокруг нас сужается до крошечной точки.

Соблазнить Марка? Притвориться покорной овечкой, пожалевшей о своем поступке?
Раздеться перед тем, кто предал меня самым жестоким образом?

Я отскакиваю, как от удара током, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

—Ты... ты..., — слова застревают в горле, превращаясь в комок ярости. — После всего, что он сделал, ты предлагаешь мне ЭТО?! Ты вообще слышишь себя?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.